

© 1995 г. А.С. ГЕРД

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ В КРУГУ СМЕЖНЫХ ДИСЦИПЛИН

(на материале псковских говоров)

В 1960 г. была опубликована программная статья Б.А. Ларина “Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. Шахматова и наши современные задачи” [1]. Прошло 35 лет со времени ее появления, но почти все ее положения актуальны и сегодня.

Поскольку основные этапы и черты развития русской исторической диалектологии выделены ярко и образно Б.А. Лариным в этой статье, а также в вышедших позднее книгах Ф.П. Филина и Полторака, остановимся ниже прежде всего только на отношении исторической диалектологии к близкородственным дисциплинам¹ [2–4].

Традиционная русская описательная диалектология зародилась не в среде филологов, а еще в XVIII в. в путешествиях первых русских академиков-естествоиспытателей. Именно во время экспедиций И. Георги, С.Г. Гмелина, И.И. Лепехина, П.С. Палласа, Н.Я. Озерецковского было собрано большое количество местных слов и выражений, опубликованных впоследствии в их трудах [5–10].

Позднее эта традиция была успешно продолжена Н.Я. Данилевским, Н.Я. Варпаховским, М.А. Мензбиром, Л.С. Бергом [11–14].

С активизацией работ Второго Отделения Российск. Имп. Акад. Наук, с началом подготовки в его стенах Опыта областного великорусского словаря все более уверенно становится на ноги диалектология как дисциплина филологическая. И здесь нельзя еще раз не отметить принципиальное различие между целями истории языка, исторической грамматикой и историей литературного языка. Задача общей истории языка – реконструкция основных исторических процессов и закономерностей развития языка (например, для славянских языков – это история “ѣ”, редуцированных, системы склонения и спряжения, отдельных групп слов). Классическими примерами таких работ являются монографии С.П. Обнорского, С.Д. Никифорова, В.И. Борковского, Н.П. Гринковой, П.С. Кузнецова, В.В. Колесова, многие диссертации [15–21].

Общие труды по исторической грамматике и лексикологии, даже когда в них содержится диалектный материал, если они не ориентированы на конкретный ареал, на тот или иной лингвистический ландшафт, крайне полезны для общей истории языка, но имеют все же косвенное отношение к исторической диалектологии.

Более сложными являются отношения исторической диалектологии к трудам по истории праславянского языка, по формированию отдельных славянских языков. В таких исследованиях язык рассматривается как совокупность диалектов и вследствие этого они уже по объекту описания имеют историко-диалектологический характер. Ярким примером таких работ являются монографии [22–24].

¹ Проблематика даже только русской исторической диалектологии столь многоаспектна и дискуссионна, что в настоящей статье позволим себе ограничиться только ею, тем более, что многие общие положения имеют равное отношение и к славянской исторической диалектологии в целом.

И все же наиболее ценными для исторической диалектологии являются исследования прямо и определенно ориентированные, спроецированные на те или иные говоры, диалекты.

Можно отметить несколько видов таких направлений. 1. Чисто синхронические описания диалектов и их особенностей вне сопоставления с другими говорами и без исторических комментариев; это: а) статьи, книги, диссертации по фонетике, грамматике, лексикологии отдельных говоров; б) областные словари, в) региональные атласы. 2. Синхронические, ареально-типологические исследования, построенные на сравнении, сопоставлении с данными других диалектов. 3. Описания языка местных памятников письменности. 4. Исследования, построенные в сравнительно-историческом аспекте.

Как уже отмечалось, традиционная диалектология долгое время оставалась наукой описательной, чисто синхронической по своему методу. В то же время в части полевых, лексикологических и лексикографических исследований она всегда была тесно связана с этнографией и краеведением, и в этом была ее сила. Диалектологические описания, шедшие бок о бок с историей края, с этнографией и сегодня дают нам наиболее глубокие и полные материалы по языку отдельных областей. Нигде мы не найдем больше сведений о том или ином диалекте, чем в его монографическом описании и в его областном, региональном словаре. Монографические описания отдельных диалектов, вопреки раздающейся порой критике в их адрес, навсегда останутся бесценными источниками для будущих исследователей самых разных направлений.

Здесь нельзя не вспомнить большое число статей, диссертаций, выполненных в русле создания Диалектологического атласа русского языка и посвященных системному описанию отдельных говоров.

За последние десятилетия, несмотря на все трудности, наметился резкий сдвиг в области русской региональной лексикографии; по количеству ареалов и разнообразию диалектных словарей русская лексикография в славянском мире очевидно идет впереди. Этого пока не скажешь о русских региональных лингвистических атласах, их у нас совсем немного [25–29]².

Практически вопрос о методе анализа в исторической диалектологии был поставлен еще в конце XIX начале XX века в известной дискуссии о том, на базе каких источников должна строиться общая история языка – на основании памятников письменности или – народных говоров. Сегодня мы знаем, что в равной степени важны оба типа источников. Однако следует сказать, что именно описания языка и диалектных особенностей местных памятников письменности и по сей день остаются хронологически наиболее точными и ценными исследованиями по истории тех или иных диалектов [30–40].

Прямо и непосредственно на задачи исторической диалектологии ориентированы исследования, построенные на широком ареальном и сравнительно-историческом фоне. Наибольшее число такого рода работ выполнено в области исторической и региональной лексикологии [41–44 (последняя работа ориентирована на Полесье)].

Особое место в исторической диалектологии занимают работы по топонимике.

Поскольку они всегда по самой своей сути привязаны к конкретной территории, к ареалу, их результаты нередко оказываются наиболее актуальными для истории того или иного диалекта. Именно здесь в последние десятилетия достигнуты весьма ощутимые успехи [45–48].

Но подлинная историческая диалектология немыслима без постоянного сопряжения и взаимодействия с различными собственно историческими дисциплинами. И здесь значительно больше, чем собственно диалектологические исследования филологов для исторической диалектологии привнесли в свое время капитальные труды по

² Подготовлены Атласы Архангельской области (под ред. Л.П. Комягиной) и Атлас говоров среднего и нижнего Поволжья (под ред. Л.И. Баранниковой).

исторической географии, так как они, как правило, были ориентированы на историю конкретных областей, ареалов [49–52].

В общем кругу вспомогательных историко-диалектологических дисциплин должны быть названы многочисленные этнографические, краеведческие и статистические описания отдельных краев, губерний, уездов, которые стали появляться во второй половине XIX века. Большое число таких работ приведено в списке источников Словаря русских народных говоров [53].

Особое источниковедческое место среди них занимают материалы архива Русского географического общества. В целом, именно краеведение является одной из важнейших источниковедческих дисциплин для исторической диалектологии.

Как ни покажется странным, но общие лингвистические исследования, ориентированные на этногенез славян или отдельных славянских народов (белорусов, болгар, поляков) при всей важности их данных для исторической диалектологии, истории отдельных славянских диалектов имеют несколько косвенное отношение. Они, как правило, слабо привязаны к отдельным диалектам, к истории конкретного ареала. Между ними и работами по исторической диалектологии такая же разница, как между капитальными исследованиями по истории России и работами по истории Смоленской или Рязанской земли. И в этом смысле объект изучения исторической диалектологии и теории этногенеза, должен быть разграничен.

Историческая диалектология изучает историю диалекта в принципе вне привязок к этносу, конкретному народу. Предмет исторической диалектологии – не история этноса, а история формирования диалекта. Предмет теории этногенеза – история этноса по результатам разных наук о человеке, в том числе этнографии, языкознания, археологии и антропологии.

Таким образом, историческая диалектология, этногенез и этническая история должны описываться своими методами в своих понятиях и единицах и методах анализа [54, 55].

Сегодня после долгих лет забвения идей А.А. Шахматова историческая диалектология, идущая в наши дни теперь уже бок о бок с археологией, этнографией и прежде всего с одним из самых старых классических направлений – сравнительно-историческим языкознанием, все более явственно становится на ноги. Применение в диалектологии методов сравнительно-исторического языкознания, ареальной лингвистики, выход за пределы “своего, нашего” диалекта не только породили диалектологию и сравнительно-историческое языкознание, но обогатили новыми фактами, подходами, решениями как диалектологию, так и само сравнительное языковедение.

По мере становления исторической диалектологии оживают старые проблемы, появляются новые.

Одной из главных среди них является проблема методов исследования, характера самой процедуры анализа данных. Именно в этом вопросе наиболее ясно проявляется различие в понимании как задач исторической диалектологии, так и ее места в кругу других дисциплин.

Рассмотрим ниже эти проблемы на материале русских псковских диалектов.

Среди различных восточнославянских диалектов трудно найти диалект более изученный, чем язык Пскова и его области. Он не раз служил полигоном, на котором впервые отрабатывались и проверялись те или иные идеи в отечественной диалектологии. Результаты многолетних исследований псковских и сопредельных диалектов представлены в сериях тематических сборников [56–58].

С другой стороны, история языка такого крупного славянского культурного центра средневековья, как Псков и его область, построенная на хронологически адекватном общеславянском фоне, имеет также и большое общепилологическое значение, так как открывает пути описания истории региональных языков других славянских локальных центров.

Какова исходная ареальная единица исторической диалектологии? В принципе, в

качестве такой единицы могут быть избраны любое современное наречие, диалект, группа говоров, отдельный говор. Обычно такие исследования строятся ретроспективно, отправляясь от данных современных говоров, и постепенно проникают на ту или иную глубину их исторического развития. В этих работах, как правило, не ставится вопрос о границах тех древнейших диалектных объединений, в которые входил ранее исследуемый диалект на разных этапах своего развития.

Иной подход предусматривает в качестве первоначального этапа – выделение, экспликацию и историческое обоснование границ того диалекта, который избирается объектом исследования, а затем уже все исследование строится как анализ истории этого древнейшего диалекта. И здесь сразу же встает первый вопрос – о самом выделении и определении границ диалектов древнейшей дописьменной эпохи.

Комплексные исследования, проведенные в последние десять лет антропологами, лингвистами, археологами и этнографами Санкт-Петербурга показывают, что диалекты дописьменной эпохи могут быть выделены только на базе предварительной реконструкции древнейших историко-культурных зон, на основе синтеза результатов, достигнутых в языкознании, археологии, этнографии, антропологии, палеогеографии и ряде других наук о человеке. Найти и выделить древнейшие диалекты исключительно на основании языковых данных невозможно. И древнерусские диалекты и им предшествующие объединялись, формировались и вырастали в рамках эволюции тех или иных древнейших историко-культурных зон [59, 60].

Рассмотрим в свете этих положений кратко дославянскую историю культурно-географического ландшафта в районах к северу от Западной Двины и верховьев Днепра.

В бассейне Западной Двины на протяжении ряда тысячелетий сформировалась устойчивая Днепро-двинская историко-культурная зона. Северная граница Днепро-двинской зоны проходит через верховья реки Великой, далее на верховья Ловати в районе Великих Лук, несколько севернее озер Двиньё, Жижицкое, на верховья Западной Двины и далее к озерам Волго, Пено, Вселуг. В IV–III тыс. до н.э. здесь частично проходила граница двинского варианта нарвской культуры, с середины III тыс. до н.э. – культуры ямочно-гребенчатой керамики, с середины II тыс. до н.э. частично границы фатьяновской культуры; в первой половине I тыс. до н.э. граница между культурой штрихованной керамики и керамики текстильной, в VII в. до н.э. до III в. н.э. – северные границы днепро-двинской культуры, в VI–VII вв. н.э. – культуры Тушемля – Банцеровщина и южная граница культуры длинных курганов смоленско-полоцкого типа, в IX–X вв. – курганов с трупосожжениями и лепной и гончарной керамикой.

На севере псковского ареала граница Псков (Середка) – Порхов, среднее течение Шелони, нижнее течение Ловати довольно точно совпадает с границей между Нарвской и Прибалтийской культурами в IV–III тыс. до н.э., с южной границей текстильной керамики в конце II тыс. до н.э., с западной границей псковско-боровичских длинных курганов, позднее новгородских сопок и жальников. Таким образом, формирование границы Псков (Середка) – среднее течение Шелони, низовье Ловати, Верхневолжские озера также относится еще к эпохе неолита. Преимущество, устойчивость и стабильность границ в зоне вокруг Пскова восходят к эпохе неолита и непрерывно поддерживались на протяжении многих веков.

Все приведенные данные убедительно свидетельствуют о существовании на протяжении многих тысячелетий особой устойчивой зоны именно в бассейне среднего течения реки Великой не южнее Опочки и не севернее среднего течения Шелони, не восточнее левых притоков Ловати. Так постепенно сформировалось и выделилось ядро будущего псковского диалекта. Эта территория по реке Великой, вокруг будущего Пскова, скорее всего, и представляла собой центр древнего неславянского диалекта [61]. Именно определение границ древнейших историко-культурных зон на основе синтеза данных разных наук позволяет во многих случаях реконструировать новые, ранее не отмеченные диалектные зоны, границы которых далеко не

обязательно совпадают с современными диалектами. Таким путем и была выделена, например, единая Днепро-двинская диалектная зона в бассейне Западной Двины [62].

Восстановление языковых состояний и черт этих диалектов от эпохи к эпохе и составляет предмет исторической диалектологии.

Так, чисто лингвистическим путем мы можем вскрыть основные дославянские языковые пласты в истории того или иного славянского диалекта. Например, по данным разных источников в истории псковского диалекта достаточно определенно вскрываются такие пласты, как финно-угорский, балтийский и, возможно, добалто-финский.

В то же время следует подчеркнуть иллюзорность ограничения историко-диалектологических исследований рамками только русистики или славистики. Лингвистическая история большинства восточнославянских ареалов не может быть вскрыта без обращения к фактам финно-угроведения, балтистики, тюркологии.

В то же время, даже самые богатые диалектные материалы, извлеченные из отдельных источников XIX–XX вв. дают нам только сами факты и иногда их географию. Гораздо более сложной задачей является дальнейшее проникновение в глубь истории диалекта. И здесь первым шагом на этом пути является выявление внутриареального членения данных диалектов. Так по итогам многолетних исследований в области фонетики, грамматики и в особенности лексики на территории псковских говоров выделяются следующие основные типы изоглосс и микрозон между ними [63].

1. Себеж, Пустошка, Невель, Великие Луки на восток иногда до Торопца, Холма;

2. Красногородское, Опочка, Пушкинские Горы, Новоржев и далее на юг до Великих Лук, Торопца, Холма;

3. Красногородское, Пыталово, реже до Острова, Печор, Новоржева, на восток до Великих Лук, Торопца, Порхова, реже до Струг Красных, изредка захватывая Псков. Эта зона дугой огибает самый центр Псковщины, ядро вокруг Пскова;

4. Великие Луки, Торопец, Холм, на севере – до Ашево, Дедович, но не севернее, на западе до Локни, Новоржева, Дедович;

5. Великие Луки, на севере полудугой до Холма, Новоржева, Дедович, Плюссы, Гдова, на юго-западе иногда (редко) до Пустошки, Опочки, Себежа;

6. Опочка, Локня, Великие Луки;

7. Печоры, Псков, Остров, Порхов;

8. Псков, Порхов, иногда до Дедович, Новоржева, реже до Холма, Торопца;

9. Гдов, Ляды, Плюсса, на восток к Порхову до Холма, Торопца, Локни, изредка полудугой до Себежа;

10. Гдов, Ляды, узкой полосой вдоль Чудского и Псковского озер по берегу, вдоль озера, к Печорам, реже до Острова, Пыталова;

11. Гдовский угол, исключая все другие говоры Псковщины;

Следующий этап реконструкции истории диалекта связан с определением разных типов междиалектных связей данного диалекта с другими диалектами и прежде всего связей с другими славянскими языками и диалектами. Так, например, согласно результатам ряда исследований преимущественно в области лексики и словообразования в определенный исторический период диалекты предков псковичей временно оказались именно в той группе праславянских диалектов, которая находилась в особо тесных контактах с предками всех восточнославянских, а также сербохорватских, словенских (пск.-вост.-сл., чаще пск.-укр.-сербохорв.-словенск. изоглоссы), частично польских, чешских и словацких диалектов [64–66].

Впоследствии диалекты предков псковичей вместе с диалектами некоторых групп восточных и западных славян и нижнелужичан переживают период сильного сближения между собой, по-видимому, уже после отделения основной массы южных славян (псковско-вост.-сл.-зап.-сл. изоглоссы).

Не менее сложной, а, по-своему, более пестрой и мозаичной оказывается картина связей псковских говоров с другими восточнославянскими диалектами.

Здесь псковские говоры обнаруживают два основных типа междиалектных связей: а) с севернорусскими говорами и б) с диалектами, лежащими к югу и западу от Опочки, Великих Лук, Калуги, Орла, Брянска. При этом чисто структурно-типологически выделяются севернорусские явления, известные не южнее линий: а) Псков (Середка) – Порхов (таких большинство); б) Остров – Пушкинские Горы – Новоржев; в) Опочка (Себеж) – Пустошка – Великие Луки; г) преимущественно в восточнопсковских говорах; д) только южнее Опочки – Великих Лук на востоке области и только севернее Пскова – Порхова; е) повсеместно. Южнорусские и юго-западные факты образуют следующие структурно-типологические группы слов, известных а) не севернее Себежа, Невеля, Пустошки; б) Опочки, Великих Лук; в) Красногородского – Опочки, Пушкинских Гор, Великих Лук, Торопца; г) Пыталова, Острова; д) Пскова (Середки) – Порхова.

Отмечая активные связи псковских говоров, в особенности среднепсковских и южнопсковских и восточнопсковских со смоленскими, калужскими, брянскими, курскими, орловскими диалектами, следует сказать, что в целом здесь выделяется одна из самых крупных восточнославянских диалектных зон к югу от Пскова, Острова – Новоржева, включая западнорусские диалекты, а также северобелорусские и восточнобелорусские говоры [54].

Определение типов междиалектных связей – это первый серьезный шаг к проникновению в историю диалекта. Этот этап историко-диалектологического анализа впервые позволяет выйти за рамки “своего” диалекта и увидеть его на широком ареально сопоставительном фоне [67].

Зная заранее из литературных источников относительную хронологию отдельных типов, а также виды ареалов, можно сделать уже первые шаги по их относительно-хронологическому распределению. Однако перед историком диалекта стоит более сложная задача определить, какие из выявленных типов связей, ареалов являются первичными, какие вторичными, как они соотносятся хронологически.

В определенной степени это можно сделать, опираясь на историю отдельных языковых явлений, на историю форм, этимологию слов. При этом история диалекта как системы не может строиться только на истории отдельных изолированных явлений.

Данные, полученные в результате установления междиалектных связей, свидетельствуют, в частности, о том, что для истории диалекта одинаково релевантны все языковые факты, как собственно диалектные, локально ограниченные, так и недифференциальные явления широкого распространения.

Однако в абсолютном большинстве случаев, даже будучи выявленными, сами по себе эти типы связей нередко еще ничего не говорят ни о направлении процессов, ни об их истории или хронологии. В целом они представляют собой лишь абстрактную структурную схему, скелет междиалектных отношений. Например, все источники сходятся в том, что исторически псковский диалект был в своей основе севернорусским по своему языковому типу [68–72].

В то же время по всем лингвистическим данным в XVIII–XX веках к югу от Пскова он таковым не являлся. В современных псковских говорах их севернорусский облик определенно проявляется только к северу от Пскова – Порхова. Таким образом, если опираться только на схему диалектного членения и междиалектных связей исторически необъясненными остаются не только типы дальних междиалектных связей, но даже и сама карта современного диалектного членения.

И здесь на следующем этапе анализа для решения этого вопроса с лингвистической точки зрения необходимо, опираясь на все известные ранее литературные данные, условно принять в качестве исходного положение о первичности одних типов связей и о вторичности других.

Так, примем для истории псковских говоров в качестве исходного традиционное

положение о первичности севернорусского языкового типа и о вторичности типа южнорусского. Если не ограничиваться констатацией приведенных фактов, а постараться определить пути и хотя бы относительную хронологию их проникновения, то оказывается, что и на этом этапе сделать это только на почве языкознания, не привлекая археологию, историю как таковую и этнографию, невозможно.

Так, с одной стороны, факты диалектного членения западных среднерусских диалектов свидетельствуют о том, что многие слова известны в бассейне Западной Двины, в ее верховьях в районе озера Селигер и далее к северу от среднего течения Шелони, Порхова, Пскова и не известны как раз в зоне основного псковского ядра [61; 63].

С другой стороны, по археологическим и антропологическим данным начиная уже с V–IV тыс. до н.э. бассейн Верхневолжских озер, реки и волоки служили здесь как бы коридором, воротами, через которые направлялись потоки древнейших миграций различных народов как с запада на восток, так и с востока на запад.

Селигерский путь был одним из основных путей неоднократных миграций финно-угорских народов на запад. Все это свидетельствует о том, что славянская колонизация на север шла не прямо по Великой и Ловати на север, а сначала по Днепру, Десне, затем по Сожу на верховья Западной Двины, Днепра, на озера Пено, Вселуг, Стерж, а затем уже по древнему Селигерскому пути и рекам Пола, Явонь, Ловать, на Ильмень. Ср. например, к северу от Порхова в Шелонь впадает именно с востока река Полонка.

Весьма показательно, что и в XII в. прочный Селигерский путь был хорошо известен. Так в 1199 г. этим путем ехал из Новгорода во Владимир новгородский архиепископ Меркурий, скончавшийся на Селигере. В 1216 г. этим же путем князь Мстислав из Новгорода пошел брать Ржев, Зубцов и Торжок. Даже Батый в 1238 году после взятия Торжка пошел тем же Селигерским путем на Новгород, а затем на пороге больших болот за деревней Рвеницы (существующей и сегодня) повернул тем же Селигерским путем назад на Ржев. Такой устойчивый путь мог сложиться только постепенно, в течение многих веков.

Таким образом, можно предположить, что севернорусский языковый тип проник на север в Приильмень с верховьев Днепра, Западной Двины тем же Селигерским путем. Тогда первые носители севернорусского языкового типа, предки новгородских словен, шли с верховьев Днепра на верховья Западной Двины, в обход центра основной территории Днепро-Двинской зоны в район озера Селигер и далее Селигерским путем на Ильмень, Волхов, по которому спустились к его низовьям, где и основали Старую Ладугу. Таким образом, на этом раннем этапе предки новгородских словен обошли кривичей Днепро-двинской зоны по ее южной периферии. Новгородские словене ушли на Волхов [73, 74].

Как же Псков стал севернорусским по своему языковому типу? Ответить на этот вопрос тоже можно только при сопоставлении данных лингвистических и исторических. Многие факты говорят об относительно более позднем севернорусском освоении Пскова. Об этом свидетельствуют и многие карты ДАРЯ и большое количество изоглосс, которые волнами набегают и надвигаются со всех сторон на Псков, оставляя нетронутым только само ядро вокруг Пскова. Все типично севернорусские явления располагаются ступенчато с севера на юг: больше всего их к северу от Пскова – Порхова, на Плюссе, в нижнем течении Шелони, на верхней Луге; несколько меньше их уже в районе Острова, гораздо меньше их к югу от Пушкинских Гор, Новоржева, резко убывают они к югу от Опочки, Себежа, Пустошки. И, видимо, не случайно многие из севернорусских явлений хорошо известны в бассейне Ловати, к востоку от Порхова, Локни, Холма, Торопца.

Таким образом, даже чисто лингвистический анализ структурной схемы расположения севернорусских явлений на территории псковских говоров свидетельствует в пользу принятия точки зрения, согласно которой севернорусскими псковские говоры становятся именно с севера, а не с юга.

Начиная с VIII в., с наступлением активных славяно-скандинавских связей на базе языка словен возникает севернорусское новгородское наречие, формируются севернорусы Поволховья.

По-видимому, скорее всего именно совместные походы скандинавских дружинников вместе с новгородскими словенами из Ладоги и Новгорода на юг по Луге и Плюссе и занесли севернорусское наречие сначала на Лугу, а затем и во Псков. До прихода носителей севернорусского наречия на территорию Пскова Псков славянской речи не знал³.

На базе смешения северно-русских диалектов, шедших с севера от Пскова с субстратными неславянскими типами, а также в итоге встречи с диалектами смоленско-полоцких кривичей, шедших с юга, зарождается особый псковский диалект. Днепро-двинская кривичизация районов среднего течения р. Великой и была первым мощным южным влиянием на севернорусский диалект Пскова. Постепенно диалекты днепро-двинских смоленско-полоцких кривичей возобладали в бассейне Великой верхней, средней и Ловати. Этот период по памяти поколений и зафиксирован в Повести временных лет. Со временем продвижение и закрепление днепродвинских кривичей на север было поддержано неоднократными новыми миграциями с юга.

Окончательная славянизация субстратного узла вокруг Пскова произошла лишь постепенно. В то же время нельзя не отметить, что все факты диалектного членения псковских говоров и говоров в бассейне озер Ильмень, Селигер свидетельствуют о том, что славяне по своему приходе вписывались в те же старые поселения и зоны, освоенные еще задолго до них.

История диалекта в эпоху средневековья тесно связана с историей тех или иных феодальных княжеств и их границ. С началом эпохи феодальной раздробленности с XIII века на северные границы Днепро-двинской зоны легли северные границы Смоленского и Полоцкого княжеств, южные границы Псковского княжества, в XIV–XV веках – великого княжества Литовского, позднее в XV–XVII веках – Польско-Литовского государства, Речи Посполитой. Все это укрепляло и стабилизировало псковскую диалектную зону. С 1348 г. по древним северным, восточным и южным рубежам Псковской диалектной зоны пролегли границы Псковского княжества.

Всё это вело теперь уже не только к упрочению и закреплению черт псковского диалекта, но и к его дальнейшему обособлению. Присоединение Пскова в 1510 г. к Москве прервало тенденции, ведущие к формированию на территории вокруг Пскова особого славянского микроязыка. С образованием единого Московского централизованного государства постепенно окончательно оформляется западная псковская группа среднерусского наречия.

Таким образом, как история внутриареального членения диалекта, так и его связей с другими диалектами может быть вскрыта только путем постоянного поэтапного, параллельного сочетания и сопряжения данных языкознания и смежных исторических наук. Потенциально возможный отказ от попытки нарисовать конкретно-историческую картину формирования диалекта приведет лишь к ограниченным внехронологическим, схематическим, чисто структурным выводам о контаминации одних типов изоглосс с другими, о совместимости и противопоставленности тех или иных ареалов.

На определенном этапе в истории отдельных локальных культурных центров появляется местная письменность, областная литература. С этого момента история диалекта и история письменного языка тесно переплетается, сплетаясь постепенно в единую историю регионального языка.

³ Хотя в принципе ничто не мешает гипотетически предполагать наличие определенной небольшой волны полабских славян, проникших некогда на территорию восточной Прибалтики.

Все сказанное выше относится в равной степени и к говорам раннего первичного образования и к диалектам территорий позднего, вторичного заселения, хотя разница между первыми и вторыми довольно условна. Естественно, что для говоров ареалов позднего заселения внешние исторические факторы проявляются еще более явно и ощутимо⁴.

В конечном счете, современная русская историческая диалектология, вооруженная новыми методами и подходами, должна сегодня вернуться на стезю региональных исследований и подобно тому, как описательная диалектология шла от этюдов и очерков об отдельных говорах XIX–XX веков к сводным описаниям по русской диалектологии, шаг за шагом пройти свой путь от региональных описаний к обобщающим трудам, сводным работам по истории русских диалектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ларин Б.А. Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. Шахматова и наши современные задачи // Очерки истории языка. Л., 1960. С. 3–16.
2. Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962.
3. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.
4. Півторак Г.П. Формування і діалектна диференціація давньорускої мови. Київ, 1988.
5. Георги И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. I–III, СПб., 1799.
6. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Т. I–III. СПб., 1771–1785.
7. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. Ч. I–IV. СПб., 1771–1805.
8. Озерецковский Н.Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб., 1792.
9. Озерецковский Н.Я. Путешествие на озеро Селигер. СПб., 1817.
10. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I–III. СПб., 1773–1788.
11. Данилевский Н.Я. Рыбные и звериные промыслы в Белом и Ледовитом морях // Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. VI. СПб., 1862.
12. Варнаховский Н.Я. Определитель пресноводных рыб Европейской России. СПб., 1898.
13. Мензбир М.А. Птицы России. Т. I–II. СПб., 1893–1895.
14. Берг Л.С. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. Т. 1–3. М.; Л., 1948–1949.
15. Обнорский С.П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1–2. Л., 1927–1931.
16. Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.
17. Никифоров С.Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952.
18. Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949.
19. Гринкова Н.П. Вопросы исторической лексикологии русского языка // Уч. зап. ЛГПИ. Т. 231. 1962. С. 3–244.
20. Кузнецов П.С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
21. Колесов В.В. История русского ударения. Л., 1972.
22. Кузнецов П.С. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.
23. Мартынов В.В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963.
24. Мартынов В.В. Праславянский язык и его место в западнобалтийском диалектном континууме. Минск, 1982.
25. Мальцев М.Д., Филин Ф.П. Лингвистический атлас района озера Селигер. М.; Л., 1949.
26. Орлов Л.М. Диалектологический атлас русских народных говоров Волгоградской области. Волгоград, 1969.
27. Мельниченко Г.Г. Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII–нач. XIII в. Ярославль, 1974.
28. Здобнова З.П. Территориальное варьирование русского языка в Башкирии. Уфа, 1977.
29. Войтенко А.Ф. Лексический атлас Московской области. М., 1991.

⁴ Из последних обобщающих работ по говорам позднего расселения [см. 75].

30. Шахматов А.А. Исследование о языке новгородских грамот XIII–XIV века // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885–1895.
31. Каринский Н.Я. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909.
32. Собиинникова В.И. Склонение существительных в Псковской судной грамоте // Тр. Воронежского ун-та. Т. 16. Вып. 1. 1948. С. 19–21.
33. Кандаурова Т.Н. Из истории древнепсковского диалекта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1951.
34. Мжельская О.С. Местная лексика в псковской деловой письменности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1956.
35. Жуковская Л.П. Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV века (Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357 г.) // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. М., 1957. Т. 8. С. 5–106.
36. Князевская О.А. К истории московского говора русского языка в северо-восточной Руси в середине XIV в. // Тр. Ин-та языкознания. М., 1957. Т. 8. С. 107–177.
37. Елизаровский И.А. Язык беломорских грамот XVI–XVII веков. Архангельск, 1958.
38. Максимов В.И. Лексика Псковской I летописи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1958.
39. Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII веке. М., 1963.
40. Горишкова К.В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси. М., 1968.
41. Чайкина Ю.И. Лексика Белозерья в историческом аспекте. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1974.
42. Лутвинова И.С. Комплексное лингвистическое исследование названий кушаний в псковских говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977.
43. Мокиенко В.М. Лингвистический анализ местной географической терминологии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969.
44. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. М., 1969.
45. Матвеев А.К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории Севера Европейской части СССР. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Свердловск, 1970.
46. Муллонен И.И. Гидронимия бассейна реки Ояты. Петрозаводск, 1988.
47. Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.
48. Чумакова Ю.П. Расселение славян в среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным. Уфа, 1992.
49. Любавский М.К. Историческая география России в связи с ее колонизацией. М., 1909.
50. Середонин С.М. Историческая география. Пг., 1916.
51. Спицын К.Л. Русская историческая география. Пг., 1917.
52. Жекулин В.С. Историческая география. Предмет и методы. Л., 1982.
53. Словарь русских говоров. Вып. I. М.; Л., 1965.
54. Герд А.С., Лутвинова И.С. и др. Этническая история Русского Севера в трудах языковедов и некоторые вопросы теории этногенеза // Советская этнография. 1985. № 6.
55. Герд А.С. О некоторых вопросах теории этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 5–12.
56. Псковские говоры. Псков, 1962, 1968, 1973, 1979, 1988, 1991.
57. Севернорусские говоры. Вып. 1–6. Л., 1970–1994.
58. Среднерусские говоры. Калинин Вып. 1985, 1986, 1988, 1989; Тверь, 1992.
59. Герд А.С., Лебедев Г.С. Экспликация историко-культурных зон и этническая история Верхней Руси // Советская этнография. 1991. № 1.
60. Герд А.С. Этногенез и историческая география // Philologia slavica. М., 1993.
61. Герд А.С. История формирования диалектных границ вокруг Пскова // Среднерусские говоры. Калинин, 1988. С. 77–87.
62. Герд А.С. К реконструкции Днепро-двинской диалектной зоны // Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Л., 1988. С. 118–122.
63. Герд А.С. Лингвогеографическое членение Псковской области по данным лексики // Проблемы русской лингвистической географии. СПб., 1992. С. 71–78.
64. Мжельская О.С. О лексических связях псковских говоров с западными славянскими языками (слово “скорлупа”) // Вестник ЛГУ: Сер. ист. яз и лит-ры. Вып. 3. 1963.
65. Герд А.С. Из истории связей псковских говоров с другими славянскими языками и диалектами // Псковские говоры. Вып. 2. Псков, 1968. С. 127–143.
66. Герд А.С. Словообразовательные модели имен существительных с суффиксами с детерминативами *х, ш, н* в псковских говорах в сравнении с другими славянскими языками и диалектами // Псковские говоры. Вып. 3. Псков, 1973. С. 138–159.
67. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

68. Шахматов А.А. Введение в курс истории русского языка. Ч. I. Петроград, 1916. С. 55–69.
69. Дурново Н. Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924. С. 74.
70. Филин Ф.П. Очерки истории русского языка до XIV столетия. Л., 1940. С. 31.
71. Аванесов Р.И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник МГУ. 1947. № 9. С. 109–158.
72. Русская диалектология. М., 1964.
73. Булкин В.А., Герд А.С. К этноисторической географии Белоруссии // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 67–76.
74. Булкин В.А., Герд А.С. Очерк древнейшей истории района озера Селигер // Вопросы изучения среднерусских говоров. Тверь, 1993. С. 4–13.
75. Здобнова З.П. Судьба русских переселенческих говоров в Башкирии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1982.